

**Сбор ополчений 1806–1812 годов
в контексте социальных отношений
(Санкт-Петербургская и Московская губернии)***

Михаил Белан

Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

**Raising Militias in 1806–1812
in the Context of Social Relationships
(St Petersburg and Moscow Provinces)**

Mikhail Belan

University of Oxford,
Oxford, UK

The subject of this study is the social contradictions in *meshchane* communes in district capitals in the early nineteenth century which transpired when recruiting men for military service. The object of the study is the appointment of militiamen during 1806–1807 and 1812, when far more men were recruited than during regular recruit levies. The author examines the communes of three district centres, i. e. Serpukhov, Novaya Ladoga, and Gdov. The article considers practices and motivations adopted by families, communes, town councils, and governors. The article refers to previously unpublished documents from council archives (communes' verdicts, minutes of town councils, correspondence with governors). The author identifies two major issues: accusations of dissolute behaviour; and 2) conflicts between big and small households aggravated during mass recruiting to the militia in 1807. During the first militia, the traditional system of supplying recruits by commune proved insufficient to meet the needs of mass war. The author examines recruits' age, marital status, family size, and reasons for being nominated. A suggestion is made that *meshchane* were more inclined to nominate older men than peasant communes: the role of nomination

* *Citation*: Belan, M. (2022). Raising Militias in 1806–1812 in the Context of Social Relationships (St Petersburg and Moscow Provinces). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 884–902. DOI 10.15826/qr.2022.3.707.

Цитирование: Belan M. Raising Militias in 1806–1812 in the Context of Social Relationships (St Petersburg and Moscow Provinces) / Белан М. Сбор ополчений 1806–1812 годов в контексте социальных отношений (Санкт-Петербургская и Московская губернии) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 884–902. DOI 10.15826/qr.2022.3.707.

as a means of social cleansing seems to have been more significant in towns. The article considers the reaction of the government to delays and problems that arose during raising militia in identifying two response measures: the nomination of the dissolute was revised in 1808–1809 as a direct reaction to massive abuse recorded during the first militia – and the establishment of the official system of family recruit groups under the recruitment manual of 1810. Referring to the militia levy of 1812 and recruit levies of the 1810s, the article demonstrates that the new rules reduced conflict and delay in communes. During the Patriotic War of 1812, the nomination and dispatch of militiamen went considerably faster than in 1807. Additionally, the author supposes that with changes in legislation in 1808–1810, mass recruitment in the early nineteenth century, which made the position of small families more secured, could be a factor that encouraged the transition to the nuclear family in towns.

Keywords: *meshchane* communities, social relationships, district town, militia of 1806–1807, people's militia of 1812, Patriotic War of 1812

Предмет данного исследования – социальные противоречия в уездных помещанских общинах в начале XIX в., проявившиеся при выборе людей на военную службу. Объект исследования – назначения ратников в земское войско (милицию) и земское ополчение в 1806–1807 и 1812 гг., гораздо более массовые, чем назначения во время рекрутских наборов. Рассматриваются три уездных города: Серпухов, Новая Ладога и Гдов. Изучены действия и мотивации помещанских семей, общины, думы, губернатора. В качестве источников использованы впервые вводимые в научный оборот материалы из фондов дум уездных городов: приговоры обществ, журналы дум, переписка с губернатором. Установлены две центральные проблемы: приговоры «нежелательных» членов общества и столкновение интересов больших и малых семей, обострившиеся в условиях массового призыва в милицию в 1807 г. Показано, что именно эти проблемы значительно усложняли назначение и поиск ратников, что сказалось на длительности сбора первого ополчения. Проанализирован контингент ратников: возраст, семейное положение, основания назначения в ополчение. Высказывается предположение, что общины помещан приговаривали в ратники людей более старших возрастов, чем крестьяне: в этот период «полицейская функция» отправки на военную службу в городе, вероятно, играла большую роль, чем в крестьянской общине. Исследована реакция властей на остро обозначившиеся при сборе земского войска трудности. Выделены две ответные меры: пересмотр в 1808–1809 гг. правил назначения за «пороки» – прямой ответ на массовые нарушения при назначениях в милицйские ратники – и установление официальной системы семейных очередей с принятием рекрутского устава 1810 г. На примере сбора ополчения в 1812 г. и рекрутских наборов в 1810-х гг. показано, что новые правила способствовали уменьшению числа конфликтов и задержек в общине. Это сыграло свою роль в Отечественную войну: назначение и отправка ратников из помещан в 1812 г. происходили значительно быстрее, чем в 1807 г. Высказано предположение о том, что массовые наборы в военную службу в начале XIX в.

и изменение законодательства в 1808–1810 гг., делавшее положение малых семей более защищенным, могли служить факторами, стимулировавшими дробление больших мещанских семей.

Ключевые слова: мещанское общество, социальные отношения, земское войско 1806–1807 гг., милиция, земское ополчение 1812 г., Отечественная война 1812 г.

Манифестом от 30 ноября 1806 г. было объявлено о созыве земского войска [ПСЗ-1, т. 29, № 22374], а манифестами от 6 и 18 июля 1812 г.¹ – о сборе земского ополчения [ПСЗ-1, т. 32, № 25176, № 25188]. Земское войско (милиция) остается практически не изученным объектом²: исследователи чаще всего воспринимали созыв милиции как эпизод «войны монархов» [Лапина, с. 493]. Участие общества в ополчении 1812 г. – более традиционная тема в дореволюционной³ и советской историографии [см.: Бабкин], сохраняющая актуальность [см.: Спиридонова].

Однако изучение роли городских сословий традиционно отходило на второй план перед участием уезда, где сборами занималось дворянство, отвечавшее и за сборы губернии в целом [Бабкин, с. 48–59]. Но и в 1807 г., и в 1812 г. городские общины внесли существенный вклад в мобилизацию: купеческие общества – пожертвованиями денег, провианта и иными формами материального участия [Белоусов; Бессонов, с. 43–57], а общины мещан – поставкой ратников, экипированных и снабженных провизией, жалованьем, оружием. Однако организация сборов мещанством, в частности процесс назначения ратников, остается совершенно не исследованной темой.

В данной работе изучается процесс назначения в ратники «приговорами» собраний мещанских обществ. Выбор людей для военной службы являлся критически важным аспектом жизни общины. Для ополчений потребовалось гораздо больше людей, чем общества назначали при рекрутских наборах. В 1806–1807 и 1812 гг. общины мещан столкнулись со старыми проблемами, но в ином масштабе – и с новыми вызовами. Поэтому анализ процедур, практик, традиций, которыми руководствовались общины при назначении ратников, позволит лучше понять основные противоречия в мещанских коллективах начала XIX в.

Цель работы – проанализировать, как первые опыты всеобщей мобилизации – сборы двух ополчений – отразились на социальных отношениях в мещанской общине уездного города. Задачи: рассмотреть, какие категории людей назначались в ратники; оценить, какие

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

² Об организации милиции и сборе ратников см.: [Гулевич, с. 1–33]. О пожертвованиях см.: [Горновский].

³ Например, см.: [Отечественная война и русское общество: 1812–1912].

противоречия и конфликты возникали и как они разрешались; проанализировать позицию властей – восприятие возникавших проблем и принимавшиеся в ответ меры.

Работа основана на изучении документов из фондов дум уездных городов Санкт-Петербургской и Московской губерний: это дела «О милиции», «Об ополчении», о рекрутских наборах, приговоры мещанских обществ, журналы дум, переписка с губернатором и казенной палатой. Почти все они вводятся в научный оборот впервые. Также привлекались списки ратников-мещан из фонда «Комитета временного ополчения Петербургской губернии» [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96, 140] и ряд документов из фонда канцелярии московского губернатора (фонд № 17 ЦГА г. Москвы).

Используется как качественный, так и количественный анализ. На основе журналов дум, приговоров обществ и отдельных дел реконструированы действия и мотивации общин и мещанских семей в «необыденное» военное время⁴, а в ходе работы со списками ратников произведен ряд подсчетов (мода⁵ и медиана возрастов ратников из мещан⁶, их семейное положение). Исследуются назначения ратников общинами трех уездных городов, различавшихся размерами, хозяйственной составляющей, структурой населения. Два центра относились к Санкт-Петербургской губернии, один – к Московской.

Новая Ладога являлась вторым по величине городом столичной губернии после Санкт-Петербурга (канал стал важнейшим звеном всех трех систем, ведущих из Волги). В 1782 г. в трех кварталах Новой Ладого насчитывалось около 370 деревянных домов обывателей (более половины – ветхих), четыре каменные церкви и полковая деревянная⁷. Общество мещан с 558 д. м. п. в 1782 г. [Там же. Л. 99] выросло до 741 в 1806 г. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Л. 8], а к 1812 г. достигло 898 душ, включая 60 цеховых и 7 рабочих⁸ [Там же. Д. 500. Л. 131–132]. В Новой Ладогe уже в 1780-х гг. проходило

⁴ Судьба города в войне 1812 г. изучается, в особенности городов затронутых войной губерний [Белов].

⁵ Мода представляет собой значение изучаемого признака в конкретной группе, повторяющееся с наибольшей частотой. Например, мещан какого возраста в конкретном городе в 1807 г. назначили в ратники больше всего: ответ 42-летних означал бы, что возраст 42 года являлся наиболее часто встречающимся в списке значени-ем. Медианой называется значение признака, приходящееся на середину ранжированной (упорядоченной) совокупности: например, если медианой является значение в 45 лет, это значит, что половина ратников, назначенных в этом городе в этом году, было старше 45, половина – младше.

⁶ Как отмечает И. Ю. Лапина, впервые обратившаяся к этому вопросу, «никто из историков не обращал внимания на фактический средний возраст ратников» [Лапина, с. 31].

⁷ Данные из топографического описания губернии см.: [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 97 об. –98].

⁸ Цеховые и рабочие (об этой категории см.: [Рындзюнский, с. 50]) в рассматриваемых уездных центрах были крайне немногочисленны: они несли повинности и участвовали в сборах в составе мещанской общины.

две ярмарки в год, которые привлекали гостей из обеих столиц, Каргополя, Новгорода, Вологды, Ярославля, Бежецка и других городов. Мещане (около 900 д. м. п.) и купцы⁹ торговали самым разным товаром, купленным в столице, Москве, у прибывавших купцов, включая «проезжающих на барках» (сукна, «шелковые, бумажные и шерстяные материи», «серебро отделанное», кожи, овес, пенька, свечи, мыло, вино, рыба, мясо и т. п.), занимались перевозками по каналу. В столицу отправляли на продажу «кожи выделанные и невыделанные, бревна, дрова, сено, уголье, известь, рыбу» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 98 об.].

В Гдове в 1780-х гг. насчитывалось около 130 деревянных домов обывателей в двух кварталах, две каменные церкви и три деревянных [Там же. Л. 88]. В 1806 г. здесь числилось 139 д. м. п. мещан и 123 д. м. п. купцов [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 2, 24]. К 1812 г. в общинах состояло около 200 душ мещан (с находившимися на утверждении казенной палатой – до 257) и 84 душ купцов третьей гильдии [Там же. Д. 345. Л. 16]. Объемы торговли были невелики («жители города торгуют только мелочным и харчевным товаром в городе, а далее промыслов не имеют»; ярмарок в городе не проходило [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 88 об.]).

Серпухов наряду с Москвой и Коломной был крупнейшим экономическим центром Московской губернии с активно развивавшейся текстильной промышленностью: в 1812 г. здесь было 14 полотняных «фабрик» (855 станов, 2 тыс. вольнонаемных рабочих), одна хлопчатобумажная¹⁰, а к 1814 г. – 13 полотняных и четыре хлопчатобумажных (для сравнения: в 1780-х гг. в Новой Ладогe было всего два «завода» – кожевенный и канатный – по 20 человек; в Гдове по указу Екатерины II основали казенную прядильную фабрику [Там же. Л. 89, 99])¹¹. В 1806 г. в Серпухове числилось 1127 д. м. п. мещан и 1153 души купцов [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 57, 63].

Восприятие горожанами сборов на ополчения остается предметом дискуссий¹². Так, существуют разные мнения о том, считать ли купеческие пожертвования (в 1807 и 1812 гг. общины собирали складки)¹³

⁹ Почти все – 3-й гильдии [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Л. 22, 107, 112; Д. 500. Л. 108, 112].

¹⁰ И три кожевенных завода [Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г., с. 28–29, 92, 117; Ведомость о мануфактурах в России за 1813–1814 гг., с. 97, 229, 269–270]. Многие рабочие, вероятно, были из крестьян.

¹¹ Кожевенный (6–9 наемных рабочих) числился и в 1812–1814 гг. [Ведомость 1812 г. с. 55; Ведомость за 1813–1814 гг., с. 131]. В Гдове, видимо, производство не прижилось.

¹² Было распространено мнение о широком добровольном участии податного населения в сборах ополчения 1812 г. (отчасти и крепостных) [Бабкин, с. 37–41]. Сегодня подчеркивается, что требуется более детальное изучение вопросов добровольности, соотношения между решениями общин и отдельных семей купцов и мещан [Лапина, с. 163, 175–182, 499; Hartley, 2015, p. 149–150].

¹³ Например, в Новой Ладогe в 1807 г. собирали по 25 р. с каждой д. м. п., в Серпухове – по 33 р. 33 коп. [Белан, с. 86].

безвозмездной помощью или повинностью [Белоусов, с. 61; Бессонов, с. 49–51¹⁴]. Однако поставку полностью снаряженных ратников манифесты 1806 и 1812 гг. однозначно определяли именно как *обязанность* мещан и крестьян [ПСЗ-1, т. 29, № 22374; ПСЗ-1, т. 32, № 25188; Лапина, с. 175–176]. И сами мещане участие в ополчениях – выставление ратников и сбор средств на них – воспринимали прежде всего как повинность: формулировка «сия повинность» постоянно фигурирует в приговорах обществ [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 8 об.].

Вслед за манифестом от 30 ноября 1806 г. думы¹⁵ получили и четкие указания о числе требуемых ратников: в Санкт-Петербургской и Московской губерниях от мещанских обществ потребовали с каждого 16 д. м. п. одного ратника (20–45 лет, с января 1807 г. возраст расширили до 17–50 лет [ПСЗ-1, т. 29, № 22385, 22428]). В марте 1807 г., когда вторжение французской армии стало маловероятным, пропорцию сократили втрое – до одного ратника от 57 душ [Там же, № 22496], но, «пока собирали ополчение, война с Францией закончилась» [Бескровный, с. 72].

В 1812 г. требования к числу ратников, напротив, возрастали: с одного от 25 д. м. п. до одного от десяти душ к концу июля (в Московской и Санкт-Петербургской губерниях¹⁶) [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 18–24, 53–54]. Земские ополчения, в отличие от милиции, распустили в начале 1814 г. [ПСЗ-1, т. 32, № 22523, 22524]. В Санкт-Петербургской губернии возвратилось около 60 % ратников-мещан [Лапина, с. 464–465; РГВИА. Ф. 395. Оп. 240. Д. 17. Л. 26]¹⁷.

Участвовавшие в ополчениях общества в 1807 и 1812–1814 гг. освобождались от рекрутской повинности до возвращения и подсчета ратников, а за умерших и пропавших на службе полагались квитанции как за рекрутов. Во время службы семьи и общины ратников не вносили за них подушной подати и других сборов [ПСЗ-1, т. 29, № 22496]. При роспуске милиции манифестом от 27 сентября 1807 г. обществам и помещикам предложили или востребовать ратников «в первобытное состояние», или направить их в армию с выдачей квитанций как за сданных вперед рекрутов [ПСЗ-1, т. 29, № 22634, 22636]. Но показательно, что все рассмотренные общества предпочли оставить ратников «навечно» в службе¹⁸ [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036.

¹⁴ В. А. Бессонов отмечает, что население и обязательные сборы воспринимало как жертву: экстраординарные окладные сборы редко компенсировались [Бессонов, с. 101].

¹⁵ Губернаторы обычно переписывались с шестигласными думами: общегородские думы в небольших городах не образовались. Так, в Гдове на собраниях думы присутствовало три человека: городской глава (купец) и по одному выборному от общин купцов и мещан (см. журналы думы: [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 342–344]).

¹⁶ В других губерниях набирали одного ратника с 15–25 душ, чаще всего – одного с 25 [Лапина, с. 215–300].

¹⁷ Ополчение Московской губернии понесло более тяжелые потери, и многих оставшихся ратников отдали в армию как пополнение еще в 1812 г. [Лапина, с. 367–368].

¹⁸ Такое же решение приняло большинство помещиков и сходов казенных крестьян: 177 тыс. из 200 тыс. ратников были сданы в армию [Бескровный, с. 73].

Оп. 1. Д. 107. Л. 232; ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 44 об.]. Набор в 1807 г. был отменен, а ратнические квитанции общины предъявляли еще несколько лет: это позволяло им отдавать меньше рекрутов «натурой» [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 332 Л. 18, 30, 50; РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6. Л. 30–31, 44; Д. 907. Л. 107–117]. После же возвращения ратников из второго ополчения в конце 1815 г. был произведен так называемый уравнительный рекрутский набор.

Рассмотрим, как общины организовали назначение людей в милицию. В декабре 1806 г. и в июле 1812 г. были срочно созваны собрания мещанских обществ, которые назначали ратников и раскладывали суммы на их экипировку и прочие расходы. Процесс отчасти напоминал рекрутские наборы: собрание своим приговором утверждало людей в ратники (иногда и подставных), назначенных собирали, экипировали – и партии ратников с отдатчиком и провожатыми отправлялись из города.

Конфликты и столкновения интересов при назначениях были неизбежны. Среди приговоренных в ратники выделяются несколько категорий: 1) те, кого община назначала в первую очередь, до семейных мещан – «нежелательные»; 2) составлявшие большинство семейные мещане; 3) волонтеры¹⁹. Рассмотрим назначения «нежелательных» мещан, а затем обратимся к проблеме выбора из числа семейных.

В условиях коллективной ответственности за выплату податей объяснимо стремление общин в первую очередь сдать в милицию *наименее стабильных членов общины* (как и при выборе рекрутов): большую свободу общинам давала норма, разрешавшая до выбора из числа семейных назначать в службу нежелательных членов общества. Часто в приговоре, который подписывался присутствовавшими на собрании мещанами, указывалось сразу несколько обвинений: в большинстве случаев это были неплатеж казенных и городских податей, самовольные отлучки, пьянство и распутное поведение. При этом установить, насколько велика была их вина в действительности, достаточно сложно: система была такова, что руководящие общиной должностные лица (староста и др.) и богатые семьи могли довольно легко использовать обвинения в пороках для того, чтобы избавиться от неудобных по тем или иным причинам мещан. Какими бы ни были обвинения, отчетливо выделяются категории мещан, от которых явно старались избавиться: (1) неплательщики, (2) порочные («распутного поведения»), (3) новые члены общины.

Вполне логично, что чаще всего как «порочных» приговаривали мещан-неплательщиков и отлучавшихся без паспорта (или с просроченным). Во вторую группу можно выделить действительно опасных для социального мира членов общества – склонных к конфликтам и дебошам, распутству, пьянству – за эти пороки часто назначали

¹⁹ Ими двигали разные мотивы, включая деньги. Эта категория была немногочисленна [Лапина, с. 499].

молодых людей 17–26 лет. Например, 18-летний Иван Вавилов из Новой Ладogi. Его мать и сестра неоднократно жаловались Думе: вечно являясь в пьяном виде, Иван избивал их и грозился убить (один раз только прибежавшие на шум солдаты, размещенные на постой у соседей, предотвратили кровопролитие). По просьбе матери Ивана арестовывали и несколько раз назначали в рекруты, но выслали только в 1812 г. в ополчение [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 428. Л. 9–10 об., 14 об.].

Выделяется также третья категория – недавно записавшиеся в общество. Мотивация этих приговоров также объяснима. Запись в городские сословия даже лично свободного населения до 1820-х гг. сдерживалась множеством ограничений [Рындзюнский, с. 52–60; Миронов, с. 68–69]. Однако в рассматриваемый период опасность была не столько в миграции крестьян, часто записывавшихся в купечество²⁰, сколько в усиливавшемся проникновении в мещанскую общину разного рода маргинальных личностей. Мещанские общества имели право принимать или отказывать новым лицам в приеме. Но в конце XVIII – начале XIX в. интересы городских общин и властей начинают расходиться.

Правительство находило нужным, прежде всего в фискальных целях, чтобы все лица без определенного звания приписывались к обществам: это могли быть получившие волю крестьяне и дворовые, «рабочие»²¹, выходцы из-за границы, цыгане и т. д. (отказывавшимся избрать «образ жизни» грозила отдача в солдаты или высылка в Сибирь [Smith, p. 83–90]). Практически все эти лица направлялись в города. Связанные же круговой порукой мещанские общины с опасением воспринимали приток малообеспеченных элементов. Хотя до 1830-х гг. общества и сохраняли право отказывать в записи [Рындзюнский, с. 174–179], можно говорить о расширении проникновения «пауперизованных» категорий в город в начале XIX в. Политика властей этому способствовала: регулярные амнистии позволяли возвращаться из Швеции и Польши беглым крестьянам, солдатам и рекрутам, в 1808–1809 гг. правительство потребовало обязательной приписки от всех цыган [Smith, p. 89] и т. д. А для того, чтобы помочь интеграции прибывающих, указом от 7 сентября 1804 г. было запрещено назначать их в рекруты до следующей ревизии даже по обвинениям в пороках [ПСЗ-1, т. 27, № 21442].

Однако в мещанской общине хорошо помнили новые семьи, многие из которых действительно пополняли беднейшие маргинальные слои общества, где были распространены неплатежи, отлучки, дебо-

²⁰ Больше опасений у граждан вызывала не облагавшаяся налогом до 1812 г. торгово-промышленная деятельность крестьян, которую они вели, не меняя сословия [Миронов, с. 116–117, 228–229; Рындзюнский, с. 72–85, 107–151].

²¹ К рабочим в рассмотренных городах относились мещане и цеховые Москвы и Санкт-Петербурга, наказанные за небольшие преступления (как правило, плетью или розгами за кражи, взломы и т. п.). С 1787 г. их стали высылать в уездные города, а с 1799 г. – записывать в мещанские общества [Рындзюнский, с. 50].

ши, преступность. Целый ряд мещан, приговоренных в ратники, были явно из новых семей. Среди назначенных встречается много выходцев из-за границы и рабочих, часто обвинявшихся в неплатежах податей. В Гдове в 1812 г. в списке из десяти ратников было двое мещан Гороховских, «записавшихся из цыган»: семье Гороховских пришлось покинуть город, и сыщики общины преследовали их по нескольким уездам Санкт-Петербургской и Новгородской губерний [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 344. Л. 4–5, 6].

Общины желали отправить на службу даже представителей самых маргинальных слоев. В Серпухове в январе 1807 г. голова и Дума, не набрав нужного числа людей, постановили освободить должников, отданных «в зажив», и отдать их в ратники (община мещан возвращала «искупителям» по 24 рубля²²) [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 70]. А в Новой Ладогe в 1812 г. община пошла на крайность: приговором собрания в ратники утвердили трех человек – мещанина и двух рабочих, заключенных в тюрьму (за взлом, кражу) и ожидавших решения палаты уголовного суда. Этот факт вызвал крайнее возмущение губернатора, строжайше предписавшего назначать в ратники исключительно мещан достойного поведения и находящихся в городе [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 101].

И все же за пороки, неплатежи, отлучки назначалась меньшая часть ратников обоих ополчений. Большинство их собрания общин выбирали из числа семейных. При этом особенно остро при сборе первого ополчения проявились противоречия между интересами малых (1–3 д. м. п.) и больших, чаще всего богатых семейств. Так, к февралю 1807 г. московский губернатор, столкнувшись с большим количеством жалоб на приговоры общин, разослал строгие указания о том, что, хотя при выборе ратников и не было предписано учитывать историю поставки семьями рекрутов при рекрутских наборах, однако же под страхом наказания запрещались «ущемления», выразившиеся в назначении «одиночных и малосемейных» [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 87, 90, 98]. Губернатор также запрещал содержание назначенных под стражей как «противное самому духу милиции» [Там же. Л. 71].

Действительно, вслед за «нежелательными» собрания обществ в декабре 1806 г. довольно часто назначали в ратники именно одиноких и малосемейных мещан. Проблема заключалась в отсутствии четкого порядка отбора среди семей. «Великосемейные» всячески старались избежать обязанности, а возможности принудить их исполнять повинность были ограничены²³. Например, городской голова Серпухова сообщал губернатору, что под стражу он никого не заключал, но необходимы строгие меры и всяческое содействие властей и полиции

²² См. о «заживах»: [Рындзюнский, с. 48–49].

²³ При выборе рекрутов в теории учитывали рекрутскую историю семейств. Но процесс выбора семей, из которых брали рекрутов, в начале XIX в. четко не регламентировался. Все решалось в рамках собраний общин, и часто имело место ущемление прав (губернаторы получали массу жалоб на приговоры в рекруты).

губернии: в городе числится немалое количество «весьма семейных» мещан, которые и сами на «многократные призывы» головы не являются, и своих сыновей, несмотря «на все увещевания», не присылали, нарушая тем самым данные за них подписки [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 72, 99] («большесемейные» же все время отговариваются, «что сыны в отлучке, а где – то им не известно» [Там же. Л. 72]).

По всей видимости, и общинам, и думам, и губернаторам в начале XIX в. было известно, что значительное число мещан, годных по возрасту и состоянию здоровья, скрываются от рекрутских наборов («года по два и более по разным местам» [Там же. Л. 60]). Уже в конце декабря 1806 г. московский губернатор написал городским головам, что так как он получает от них много жалоб на уклонения семей от милицейской повинности, общинам разрешается присылать своих «сыщиков» к обер-полицмейстеру, и им будет оказана помощь для сыска уклоняющихся в Москве и по губернии [Там же. Л. 32]. Именно в условиях срочной массовой мобилизации уклонение назначенных общиной и затягивание из-за этого поставок ратников стало для властей большой проблемой.

Судя по материалам дум, сопротивление семей, в частности именно «большесемейных», сыграло большую роль в замедлении сбора милиции. Показателен случай Серпухова. Серпуховский голова в начале февраля 1807 г. направил городничему список из 50 семей мещан «с преимущественными работниками», из которых следовало доставить по одному человеку к 11 февраля [Там же. Л. 87]. К началу марта староста отчитался о 45 подготовленных ратниках, но нужно было поставить еще 35: староста жаловался, что «семейные из города ныне все поотлучались, и где искать – неясно», «хотя и к сыску их и прилагаем все усилия возможные» [Там же. Л. 118]²⁴. Староста упомянул, что он и приемщики из милиции всячески предлагали одиноким мещанам дать еще ратников, бросив жребий, но те упорно отказывались, «чиня ослушание» (очевидно, одинокие считали, что обязанность должна пасть на большие семьи [Там же]). Городской голова был вынужден просить городничего доставить отцов семи больших семей, давших подписки за сыновей. Городничий привел четверых; один покинул город, еще трое скрывались [Там же. Л. 130, 134]. В марте были также даны объявления в «Московских» и «Санкт-Петербургских ведомостях» о сыске 15 «фамилий» и высылке их в Серпухов, «хоть бы они были и с паспортами» [Там же. Л. 123–124].

Усилия сыщиков от общины, городничего, помощь управы благочиния и нижних земских судов в борьбе с укрывательством семейных приносили некоторый результат, но очень медленно²⁵. К этому вре-

²⁴ Остроту ситуации и целый ряд конфликтов передает журнал Думы [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 109].

²⁵ Когда внезапно отыскивались «сыновья» семейных, нередко случались стычки, едва не доходившие до кровопролития. Например, см: [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 122, 145, 148, 181].

мени мобилизовали даже десяцких и будочников, и городничий писал голове, что ничем не поможет, пока не получит от общины новых людей (только «не малолетних и не старых» [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 111]). В итоге 9 марта 1807 г. собрание общины, чтобы успеть к крайнему сроку поставки ратников – и так как семейных мещан отыскать не удавалось – решило назначить еще десять человек по обвинениям в «пороках» [Там же. Л. 130] (почти наверняка это были мещане одинокие или из бедных семей). К облегчению городских властей и общины, в марте число требуемых ратников снизили втрое: так как к этому времени Серпухов уже сдал 47 из потребованных в декабре 78 ратников, новые назначения прекратились [Там же. Л. 232].

Очевидно, что для набора нужного числа милицейских ратников годные люди подходящего возраста в общинах были (в 1812 г. общины выставляли одного с десяти душ), но сложность была в том, чтобы их найти и отправить. Причин было несколько, в том числе ограниченность сил в распоряжении думы и городничего (почти все дела, включая розыски, осуществляло мещанское общество через специально нанятых сыщиков). Однако ключевой сложностью представляются не столько проблемы с поиском, сколько низкая эффективность самой системы назначения в службу приговором общества. Она еще обеспечивала поставку рекрутов во время наборов. Но первая массовая мобилизация – сборы милиции – отчетливо выявила недостатки и ограниченность традиционных практик: процесс назначения был непрозрачным, большую роль играла верхушка общины, распространено было уклонение, отмечались случаи насилия.

Конечно, неуспехи со сбором первого ополчения были обусловлены не только проблемами общин, но и другими факторами, включая неготовность всех государственных структур к сбору и содержанию милиции такой численности²⁶. Власти наверняка знали о существенной роли назначения на службу для «очищения» общин. Отчасти такая ситуация могла быть выгодна и государству: затраты на поддержание спокойствия – расходы на городскую полицию – были невелики. Однако при созыве земского ополчения в 1812 г. произошли значительные перемены во многих аспектах: в частности, материалы дум свидетельствуют, что назначение, подготовка и отправка ратников происходили гораздо быстрее. Манифест от 6 июля 1812 г. был получен в городах Санкт-Петербургской губернии в десятых числах июля [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 20; ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 2; Ф. 881. Оп. 1. Д. 344. Л. 29], а самые последние предписания – выставить одного ратника с десяти душ – в конце июля [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 48; ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 79; Ф. 881. Оп. 1. Д. 344. Л. 34]. Но уже

²⁶ «Милиция 1806–07 годов представила собою совсем не то, что предполагалось создать первоначальными правительственными актами» [Гулевич, с. 18].

в первой половине августа большинство городов губернии сдало основную массу ратников²⁷ [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96, 140]. Для сравнения: к марту 1807 г. – через три месяца после выхода манифеста о милиции – только начался сбор первых батальонов «стрелков», и то с большими задержками [Гулевич, с. 18–24]²⁸.

Более активный процесс назначения и отправки ратников в 1812 г. объясним не только организационным опытом милиции и патриотическим подъемом, но и тем, что после 1807 г. было принято несколько важных актов с целью упорядочить систему назначения на службу через приговор. Представляется правильным утверждение, что, столкнувшись с перебоями с поставкой людей и массой сложностей в общинах во время сбора первого ополчения, правительство не стало более оставлять без внимания проблемы, связанные с процессом назначения. Документы дум свидетельствуют, что в снижении конфликтов в общине и ускорении назначений особую роль сыграли две законодательные меры, которые до настоящего момента были обойдены вниманием исследователей, особенно на фоне интереса к военным и иным реформам, произведенным в 1807–1812 гг. (учреждению рекрутских депо и т. д.).

Во-первых, в апреле 1808 г. были введены *более строгие правила для приговоров по обвинениям в порочном поведении* [ПСЗ-1, т. 30, № 22982]. В преамбуле подчеркивалось, что поводом послужил именно опыт милиции, в ходе действий которого поступила масса жалоб на должностных лиц общин в том, что «они при бывшем наборе земского войска, обходя богатые и большие семейства, обращали всю тягость повинности на бедных одиноких поселян», а «освобождали из милиции только тех, кои в силах были удовлетворить их корыстолюбие» [Там же]. Новые правила ввели для казенных крестьян, а указом от 30 сентября 1809 г. распространили на мещан [Там же, № 23872].

Теперь приговоры «порочных» необходимо было составлять в помещении Думы в присутствии городского головы. Подписаться под приговором должны были 24 члена общины, свидетельствовавшие под присягой, что «надежд на исправление» назначаемого не остается. При этом старосты и иные должностные лица не могли входить в число подписывающихся, чтобы «не могли употреблять во зло власть им присвоенную и из потворства к богатым делать приговоры об отдаче в рекруты неочередных», «взводя на них разные пороки, которым они непричастны» [ПСЗ-1, т. 30, № 22982,

²⁷ Из 45 ратников от Новой Ладogi 26 прибыли 2 августа, еще 14–7-го числа. Из 45 шлиссельбургских мещан 21 прибыл 27 июля, остальные – 7 августа. 16 из 20 гдовских ратников прибыли к 21 августа (12 из них – 10 августа). Примерно так же поставляли ратников остальные города губернии. Ратуши и общины городов при резиденциях оказались медлительнее: из 50 царскосельских ратников к 14 августа поступили 22 [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96].

²⁸ Это были самые боеспособные части милиции, которых собирали первыми. Но в боях в Восточной Пруссии приняли участие только 5 из 32 батальонов, включая батальон столичной губернии [Гулевич, с. 19–24].

с. 201]. Приговор должен был быть проверен городским головой и не позднее трех дней с момента подписания отправлен на утверждение к гражданскому губернатору.

Второй важнейшей мерой стало введение официальной системы семейных рекрутских очередей²⁹ с принятием рекрутского устава 1810 г. [Бескровный, с. 71]³⁰. Как подчеркивалось выше, собрания общин, на которых доминировали местные элиты, выбирали, из какой семьи брать рекрута, с учетом того, какие семьи и когда поставляли рекрутов в последний раз. В таких условиях выбор мог быть спорным. Конфликты и «ущемления» были частым явлением. Теперь же в каждом городе составлялись книги рекрутских очередей, число которых зависело от размера общины. Так, в уездном центре в первую очередь могли быть внесены семьи, в которых было девять работников, во вторую – восемь и т. д. В последнюю очередь обычно заносились «двойники» и одиночки. В случае рекрутского набора первыми поставляли рекрутов семьи из первой группы, и прежде всего те, которые не давали рекрутов в недавнем прошлом. Если набор был большим, то семьи из следующей группы обязывались выставить определенное количество людей, и т. д. Это означает, что от повинности в теории почти освобождались одинокие и малосемейные: даже при обременительных наборах 1812–1814 гг. очередь до семей с 1–2 д. м. п. должна была доходить редко [Там же, с. 73–74]. Таким образом, упорядочивание приговоров за «пороки» и принятие официальной системы семейных очередей в 1808–1810 гг. укрепили положение самых уязвимых категорий – небольших, чаще всего бедных семей, а также неплательщиков, недавно записавшихся мещан из числа «выходцев», рабочих.

Правительство руководствовалось своими интересами: более строгое регулирование назначений через приговоры должно было снизить уровень конфликтов и проволочек в общинах и ускорить поставки людей в армию – задержки с предоставлением рекрутов в 18081–1810 г. случались во многих городах; должно было снизиться и число апелляций к губернаторам.

Для городских общин упорядочивание системы приговоров имело большое значение. Так, дела о рекрутских наборах свидетельствуют о том, что уже к 1810 г. за пороки приговаривали согласно новым процедурам, постоянно цитируя новые нормы [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 428]. Конечно, полностью искоренить проблемы в общинах новые нормы не могли. В частности, анализ возраста ратников и рекрутов дает основания считать, что мещанские общины и до, и после принятия новых норм были заинтересованы сдавать менее нужных членов общин.

²⁹ В маленьких городах рекрутских очередей было меньше [ЦГА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 1. Д. 585. Л. 89].

³⁰ Другим важным нововведением устава стало разрешение откупаться от рекрутской повинности за 2 тыс. руб. Семьи и раньше могли купить «охотника», а теперь власти сделали легальный откуп статьей дохода.

Дела фондов городских дум о рекрутских наборах конца с конца 1780-х по 1810-е гг. показали, что возраст рекрутов из мещан традиционно был достаточно высок – в среднем ближе к 30 годам [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 28, 49, 50, 98, 188, 230, 332, 370, 428, 463; см. также: РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6, 458, 681, 835, 1004, 1038, 1054, 1057, 1058, 1084, 1152, 3062; Ф. 494. Оп. 1. Д. 51, 53, 80, 91, 104]. И. Ю. Лапина подсчитала, что средний возраст ополченцев мещанских обществ Санкт-Петербургской губернии в 1812 г. также колебался в пределах от 26 до 39 лет (в основном 30–39), а среднее арифметической по всем городам губернии составило 35 лет [Лапина, с. 258]. Но этот анализ можно расширить, высчитав моду и медиану для списков ратников от каждого мещанского общества, а также для объединенного списка ратников всех городов губернии.

Медиана и мода возрастов ратников, поступивших от мещанских обществ Санкт-Петербургской губернии (1812)³¹

Город	Сдано ратников	Медиана	Мода
<i>Санкт-Петербургская губерния</i>			
Новая Ладога	45	41	54
Гдов	20	21	20
Царское Село	50	41	45
Гатчина	26	45	45
Павловск	7	30	30
Шлиссельбург	45	35,5	45
Луга	18	32,5	35
Кронштадт	10	37,5	–
Ораниенбаум	20	40	45
Ямбург	13	39	40
Нарва	17	35	42
<i>Все города губернии</i>	271	38	45
<i>Санкт-Петербург</i>			
Мещане	385	38	38
Российские ремесленники	133	29	18
Ремесленники иностранного цеха	70	35	27
<i>Все три общества</i>	588	36	48
<i>Все общества Санкт-Петербургской губернии</i>	859	36,5	45

³¹ Сост. по: [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96, 140; РГВИА. Ф. 395. Оп. 240. Д. 17. Л. 26; Лапина, с. 464–465].

Как мы видим, для общего списка мещан-ратников столичной губернии медиана составила 45 лет, мода – 38, то есть половина отправленных в 1812 г. ратников была старше 38 лет, чаще же всего назначали 45-летних.

По первому ополчению сохранилось мало списков, но доступные данные дают ту же картину: в Серпухове цифры были даже выше, чем наши подсчеты для 1812 г., – у 90 назначенных ратников и медиана, и мода составили 44 года³².

Прежде чем делать выводы, нужно сравнить эти данные с возрастными ратников из крестьян. Для примера взяты несколько небольших списков ратников земских ополчений 1812 г. (разных губерний) из фонда канцелярии московского губернатора³³. Анализ действительно дает более низкие цифры: медиана ратников из уездов Московской губернии – 30 лет. А в списке имен ратников-крестьян из других губерний медиана составила 31–32 года.

Традиция общины отсылать в службу наименее нужных не могла быть полностью изжита после реформирования системы назначения в 1808–1812 гг. Так, даже в 1823 г. генерал-адъютант барон Ф. К. Корф отмечал, что именно от городских обществ по-прежнему поступало большое количество «плутов», мелких воришек и т. п. Корф предложил делить рекрутов из мещан: нормального поведения, семейных, оставлять служить в батальонах внутренней стражи, поближе к дому, что облегчило бы им разлуку с родными, тогда как большое количество ненадежных надо было бы удалять подальше, в полевые полки³⁴.

Последнее наблюдение заключается в том, что на фоне улучшения положения малосемейных³⁵ многие мещане, по всей видимости,

³² Представляется важным сравнить состав первых и поздних партий. В 1812 г. в первых, основных партиях ратников, направленных в конце июля – начале августа, было больше ратников более молодых (относительно) и скорее всего холостых. В поздних партиях – наоборот. Так, в первой партии от Гатчины из 12 человек было шесть холостых, один вдовый и пять женатых [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96. Л. 9]. А в последней партии из Новой Ладogi из 18 ратников девять человек были старше 50 (вся партия была сильно «старше среднего»: медиана – 46 лет, а мода – 54 [Там же. Л. 6]. Из девяти ратников старше 50 лет было восемь женатых и один вдовый; всего же из 18 ратников женатых было 15. Предположим, что общины приговаривали нежелательных, одиноких, а также людей старших возрастов, стараясь минимально затронуть прослойку самых активных, приносящих больше податей мещан.

³³ В 1814 г. через Москву возвращались ополченцы из нескольких губерний.

³⁴ Корф предложил делить рекрутов из мещан на «нормальных», которых следует оставлять служить в батальонах внутренней стражи, и «плутов», которых надо отсылать служить подальше, ведь если они останутся вблизи от родных мест, где имеют знакомства, вырастет преступность [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 17980. Л. 1–2].

³⁵ В Серпухове в 1811 г. один мещанин жаловался, что его единственного сына берут в рекруты, тогда как в городе много «семириков» и шестириков». В ответ на это губернатор переслал городскому голове список семи больших семей, занимавших первые позиции в очереди, приказывая брать из них [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 169А. Л. 1]. Ситуация повторялась: обжалованные маленькими семьями приговоры губернаторы отправляли на пересмотр практически автоматически.

оказались заинтересованы в дроблении³⁶ большой семьи³⁷. Приведем один пример. В 1811 г. московский губернатор переслал в Серпухов несколько апелляций от малосемейных мещан, требуя пересмотра приговоров. В одной из них мещанка Анна Анопова жаловалась на отдачу в рекруты единственного сына, а также на то, что семью ее мужа Ивана Анопова объединяют (в податных регистрах) с семьей его брата Василия против воли обоих. У Василия были свои сыновья, и объединение семей братьев умножало число мужских душ. Однако это решение серпуховский голова пересматривать отказался. Из его ответа губернатору следует, что братья Аноповы в 1797–1801 гг. числились в нераздельном купеческом капитале матери, «купецкой вдовы». Не подтвердив капитал, семья переписались в мещанство. Но вскоре Иван на год записался в купцы, после чего выписался обратно в мещане, таким образом создав собственную мещанскую семью [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 213. Л. 4–5].

В первые послевоенные десятилетия становятся еще более заметны перемены при назначениях в службу. Сохранились рекрутские квитанции Царского Села за 1817–1841 гг. К 1820-м гг. полностью исчезает назначение в службу за пороки, еще широко практиковавшееся в первые послевоенные наборы. Фактически к 1820-м гг. прекращается и предъявление обществами квитанций за своих или за купленных невозвратившихся ратников или излишних рекрутов. С 1811 г. распространяется практика замены рекрута деньгами. Интересно, что происходит снижение возраста рекрутов: уже в 1820-х гг. почти всегда общины поставляли рекрутов в возрасте 20–25 лет³⁸ [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1152]. По всей видимости, назначение в рекруты становится официальным регулируемым процессом, значительно более прозрачным: к 1820-м гг. семьи попеременно поставляют в службу своих младших работников. Самоуправство должностных лиц и богатых семей, конечно, не могло быть полностью искоренено. Богатые семьи могли и официально нанимать «охотников» (обычно из должников) и откупаться деньгами. Служба долго оставалась уделом скорее бедных и менее удачливых общинников.

Можно сделать вывод, что военные потрясения 1805–1812 гг., и в значительной степени именно сложности, связанные с первой масштабной мобилизацией – сборами милиции в 1806–1807 г., стали ценным уроком, указавшим правительству на главные проблемы на-

³⁶ Продолжаются дискуссии, способствовала ли рекрутская повинность сохранению или дроблению большой крестьянской семьи [Hartley, 2008, p. 37–38]. Работ о связи размеров семей мещан и рекрутчины нет.

³⁷ Большая семья – сложное понятие. Так, налоговые регистры Новой Ладоги (за 1790, 1809 гг.) показывают, что в городе было немного семей даже с 4–5 д. м. п. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 44, 370], а чаще всего встречались семьи с 2 д. м. п. Но в городах Московской губернии, судя по спискам семейных очередей 1814 г., было гораздо больше семей с 5–7 и даже 8–9 душами [ЦГА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 1. Д. 585].

³⁸ Призывной возраст также понижался, но более медленными темпами [Бескровный, с. 69–80].

значения на службу приговором общин, которые нельзя было более игнорировать.

Традиция назначения на службу приговором собрания общины имела много недостатков, которые отчетливо проявились при первом массовом призыве ратников: это непрозрачная система утверждения людей и выбора семей, частые приговоры за пороки, но при этом длительные розыски назначенных, многочисленные уклонения (в частности, со стороны больших семей) и нарушение подписок, большое число апелляций к губернаторам. Частые случаи самоуправства верхушки мещанского общества были практически неизбежны в системе, где все решения принимались в рамках общины и слабо контролировались представителями власти (губернаторами).

Очевидно, на разных уровнях власти знали о нарушениях в общинах, о возрасте рекрутов, проблеме их моральных качеств, но в прежние годы ситуация оставалась для властей в целом приемлемой. Однако в условиях нараставших военных испытаний³⁹ требовалось налаживать и поставки людей в армию. В интересах государства было минимизировать конфликты в общине, снизить количество апелляций и пересмотров приговоров.

Появившиеся в 1808–1810 гг. законодательные акты значительно упорядочили процесс назначения в службу «за порочное поведение» (сделав его похожим на судебную процедуру) и ввели официальную систему семейных рекрутских очередей. Положительное воздействие этих мер проявилось уже в 1811–1812 гг. Значительная скорость сбора ополчения в 1812 г. по сравнению с милицией отразила не только патриотический подъем в обществе, но и показала, что новые меры имели важный регулирующий прогрессивный характер для взаимоотношений в общинах. Значительные изменения в практике назначений, связанные с новыми правилами, становятся еще более заметными в послевоенные годы.

Список литературы

Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М. : Соцэкгиз, 1962. 212 с.

Белан М. А. «Не намъ, не намъ, а имени твоему»: пожертвования уездного купечества на ополчения в начале XIX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 82–96.

Белов А. В. 1812 год в судьбе русского города. М. : Полит. энцикл., 2018. 326 с.

Белоусов С. В. Купечество Среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 59–63.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М. : Наука, 1973. 616 с.

Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г. СПб. : Тип. Воен. м-ва, 1814. 174 с.

Ведомость о мануфактурах в России за 1813–1814 гг. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1816. 457 с.

Горновский И. А. Сто лет назад : Милиция 1806–1807 годов и жертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.

³⁹ Рекрутские наборы значительно увеличиваются с 1805 по 1813 г. [Бескровный, с. 71–74].

Гулевич С. А. История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. : в 5 т. СПб. : Экон. типолит., 1906. Т. 1. 458 с.

Латина И. Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг. : исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном : дис. ... докт. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2008. 626 с.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л. : Наука, 1990. 272 с.

Отечественная война и русское общество : 1812–1912 : в 5 т. / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 5. 236 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 27, 29, 30, 32.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 240. Д. 17; Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999.

РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6, 458, 681, 835, 907, 1004, 1038, 1054, 1057, 1058, 1060, 1084, 1152, 3062; Ф. 494. Оп. 1. Д. 51, 53, 80, 91, 104.

Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 559 с.

Спиридонова Л. М. Ополчения 1812 года : постсоветская историография // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 85–91.

ЦГА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Т. 3, 399, 585; Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107, 109, 213.

ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96, 140; Ф. 685. Оп. 1. Д. 28, 44, 49, 50, 98, 188, 206, 230, 332, 370, 428, 463, 500, 547; Ф. 881. Оп. 1. Д. 215, 340–345.

Smith A. K. For the Common Good and Their Own Well-Being : Social Estates in Imperial Russia. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2014. 296 p.

Hartley J. M. Russia, 1762–1825 : Military Power, the State, and the People. Westport : Praeger, 2008. 318 p.

Hartley J. M. Patriotism in the Provinces in 1812 : Volunteers and Donations // Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850) / ed. by J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. L. : Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–162.

References

Babkin, V. I. (1962). *Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda* [National Militia in the Patriotic War of 1812]. Moscow, Sotsekgiz. 212 p.

Belan, M. A. (2021). “Ne nam”, ne nam”, a imeni tvoemu”: pozhertvovaniya uездного kupechestva na opolcheniya v nachale XIX v. (na primere Sankt-Peterburgskoi gubernii) [“Not unto us, not unto us, but unto thy name”: The Response of District Merchants to Raising People’s Militia in 1806–1807 and 1812–1814 (with Reference to St Petersburg Province)]. In *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. Vol. 60, pp. 82–96.

Belousov, S. V. (2010). Kupechestvo Srednego Povolzh'ya v Otechestvennoi voine 1812 goda [Merchants of the Mid-Volga Region in the Patriotic War of 1812]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (77), pp. 59–63.

Belov, A. V. (2018). *1812 god v sud'be russkogo goroda* [The Year 1812 in the Fate of a Russian Town]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 326 p.

Beskrovnyi, L. G. (1973). *Russkaya armiya i flot v XIX veke* [The Russian Army and Navy in the 19th Century]. Moscow, Nauka. 616 p.

Dzhivelegov, A. K., Mel'gunov, S. P., Pichet, V. I. (Eds.). (1912). *Otechestvennaya voina i russkoe obshchestvo: 1812–1912 v 5 t.* [The Patriotic War and Russian Society: 1812–1912. 5 Vols.]. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina. Vol. 5. 236 p.

Gornovskii, I. A. (1904). Sto let nazad. Militsiya 1806–1807 godov i pozhertvovaniya na nee [A Hundred Years ago: Militia of 1806–1807 and Donations for It]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 8, pp. 534–554.

Gulevich, S. A. (1906). *Istoriya Leib-gvardii Finlyandskogo polka, 1806–1906 gg. v 5 t.* [The History of the Finnish Life Guards Regiment. 5 Vols.]. St Petersburg, Ekonomicheskaya tipolitografiya. Vol. 1. 458 p.

Hartley, J. M. (2008). *Russia, 1762–1825: Military Power, the State, and the People*. Westport, Praeger. 318 p.

Hartley, J. M. (2015). Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations. In Hartley, J. M., Keenan, P., Lieven, D. (Eds.). *Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850)*. L., Palgrave Macmillan, pp. 148–162.

Lapina, I. Yu. (2008). *Zemskoe opolchenie Rossii 1812–1814 gg.: issledovanie prichin vozniknoveniya gubernskikh voinskikh formirovaniy i analiz osnovnykh etapov ikh uchastiya v voine s Napoleonom* [The National Militia of Russia in 1812–1814: The Study of the Origins of Provincial Military Forces and the Analysis of the Main Stages of Their Involvement in the War with Napoleon]. Dis ... dokt. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 626 p.

Mironov, B.N. (1990). *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [The Russian Town in the 1740s–1860s: Demographical, Social, and Economic Development]. Leningrad, Nauka. 272 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 27, 29, 30, 32.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 488. List 1. Dos. 6, 458, 681, 835, 907, 1004, 1038, 1054, 1057, 1058, 1060, 1084, 1152, 3062; Stock 494. List 1. Dos 51, 53, 80, 91, 104.

RGVIA [Russian State Military History Archive]. Stock 395. List 240. Dos. 17; Stock 846. List 16. Dos. 18999.

Ryndzyunskii, P. G. (1958). *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii* [Urban Citizenship of Pre-Reform Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 559 p.

Smith, A. K. (2014). *For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia*. Oxford, N. Y, Oxford Univ. Press. 296 p.

Spiridonova, L. M. (2017). Opolcheniya 1812 goda: postsovetskaya istoriografiya [Militias of 1812: Post-Soviet Historiography]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 8, pp. 85–91.

TsGA g. Moskvu [Central State Archive of the City of Moscow]. Stock 17. List 1. Dos. 41. Vol. 3, 399, 585; Stock 1036. List 1. Dos. 107, 109, 213.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 189. List 1. Dos. 96, 140; Stock 685. List 1. Dos. 28, 44, 49, 50, 98, 188, 206, 230, 332, 370, 428, 463, 500, 547; Stock 881. List 1. Dos. 215, 340–345.

Vedomost' o manufakturakh v Rossii za 1812 g. [Bulletin of Manufactories in Russia in 1812]. (1814). St Petersburg, Tipografiya Voennogo ministerstva. 174 p.

Vedomost' o manufakturakh v Rossii za 1813–1814 gg. [Bulletin of Manufactories in Russia in 1813–1814]. (1816). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata. 457 p.

The article was submitted on 10.04.2021